

Гюстав Флобер

Легенда о св. Юлиане Милостивом

(La Légende de Saint-Julien l'Hospitalier, 1877)

Перевод И. С. Тургенева, 1877

I

Отец и мать Юлиана обитали в замке, построенном посреди лесов, на склоне холма.

Четыре угловые башни заканчивались остроконечными крышами, покрытыми чешуей из свинцовых блях; а стены упирались в темя скал, круто спускавшихся до самого дна глубоких расселин.

Камни, которыми вымощен был обширный двор, были так же гладки и чисты, как церковные плиты. Длинные желобы, изображавшие драконов с опущенной вниз пастью, извергали дождевую воду; она стекала ручьями в цистерну; а на подоконниках во всех этажах красовались базилики или гелиотропы в расписанных глиняных горшках.

Вторая каменная ограда заключала в себе сперва фруктовый сад; потом палисадник, в котором искусные сочетания цветов изображали вензеля; затем шпалеры виноградных лоз с беседками для отдыха и прохлаждения; наконец, особо отведенное место, где пажи забавлялись игрою в мяч. С другой стороны находились псарни, конюшни, пекарня, давальня для винограда и амбары. Зеленое пастбище расстилалось вокруг, огороженное, в свою очередь, крепким терновым тыном.

Мир так давно не нарушался в том замке, что опускная решетка ворот оставалась постоянно поднятою; рвы заросли травой, ласточки вили гнезда в трещинах бойниц - и часовой, весь день прогуливавшийся по валу, уходил в сторожку, лишь только солнце начинало слишком печь, и засыпал в ней сном праведника.

Внутри замка повсюду блестели железные оковки; шитые обои оберегали комнаты от холода; шкафы были битком набиты бельем, в погребах громоздились бочки с ценными винами, а дубовые сундуки ломились под тяжестью мешков с серебром.

В оружейной зале между знаменами и выделанными мордами хищных зверей висели оружия всех времен и народов, начиная с праща амалекитян и дротика гарамантийцев и кончая короткой, широкой шпагой сарацин и кольчугою норманнов. На главном вертеле в очаге кухни мог удобно жариться целый бык - а капелла пышностью не уступала королевской молельне. В одном углу двора, в стороне, находилась даже римская баня; но добрый господин не пользовался ею, не желая придерживаться языческих обычаев.

Постоянно закутанный в лисью шубу, он прогуливался по замку, творил суд и расправу над своими вассалами, решал споры соседей. Зимой он засматривался на хлопья падавшего снега или заставлял читать себе сказки. Как только наступали первые ясные дни, он отправлялся на своем лошаке по узким тропинкам вдоль зеленевших нив, разговаривал с крестьянами, давал им наставления и советы. После многих приключений он взял себе в супруги девицу из высокого рода.

Она была очень бела телом, немного горда и не смешлива. Верх ее высокого головного убора касался притолки, когда она проходила через дверь, шлейф ее суконного платья влачил на три шага позади ее. В ее домашнем быту соблюдался строгий, монастырский порядок. Каждое утро она распределяла работы между своими служанками, присматривала за вареньями и благовонными мазями, пряла пряжу или вышивала на престольные пелены.

Она так усердно молилась Богу, что он внял наконец ее мольбам и даровал ей сына.

На той великой радости добрый господин задал пир, который длился четыре дня и три ночи при свете факелов, при звуках арф. Все полы были усыпаны зелеными листьями. Самые дорогие пряности, куры величиною с барана подавались гостям. Ради забавы из большого пирога выскочил карлик. Ковшей наконец не хватило - так что пришлось пить из турьих рогов и шлемов.

Родильница не присутствовала при этих празднествах. Она лежала в постели - спокойно и мирно. Однажды она проснулась и увидела в лунном луче, падавшем из окна, как бы движущуюся тень. То был старец в грубой волосяной рясе, с четками на чреслах, с котомкой за плечами - в полном одеянии отшельника. Он подошел к ее постели - и сказал, не разжимая губ:

- Радуйся, о мать! Твой сын будет святой!

Она хотела вскрикнуть - но, скользнув по верхней черте лунного луча, старец тихо поднялся на воздух и исчез. Застольные песни раздавались громче прежнего. Она услышала голоса ангелов - и голова ее упала на подушку, над которой, на задней стене кровати, виднелась кость святого мученика в богатой оправе из карбункулов.

На другой день все спрошенные слуги объявили, что не видали никакого отшельника.

Наяву ли то случилось или во сне - но то было, конечно, откровение свыше. Она никому не сказала об этом, боясь, как бы ее не упрекнули в гордости.

К утру гости разошлись - и отец Юлиана, проводив последнего из них, стоял у башенных ворот, как вдруг пред ним предстал в тумане нищий. То был цыган с заплетенной бородой, с серебряными запястьями на обеих руках; его зрачки сверкали. С вдохновенным видом произнес он несвязные слова:

- А! А! Твой сын! Много крови, много славы, постоянно счастлив, родня императору!

И, нагнувшись, чтобы поднять подаяние, он исчез в траве, сгинул!

Добрый господин посмотрел направо, налево, позвал людей громким голосом... Никого! Ветер свистал; утренний туман рассеивался.

Он приписал это видение слабости головы своей, утомленной недостатком сна. "Если я расскажу об этом, - думал он, - надо мной будут смеяться". Однако величие и блеск судеб, ожидающих его сына, ослепляли его, хотя обещание и не было вполне ясно - и он даже сомневался, точно ли он все это слышал?

Супруги скрывали друг от друга свою тайну; но оба они любили дитя одинаковой любовью и, считая его отмеченным самим Богом, всячески радели и заботились о нем.

Постелька его была набита самым тонким пухом; над ней постоянно горела лампада в виде голубя; три мамки укачивали его - и, крепко запеленанный, розовенький, голубоглазый, в парчовой мантии и чепчике, разубранном жемчужинами, он походил на младенца Иисуса.

Зубы прорезались у него так легко, что он ни разу от них не плакал.

Когда ему исполнилось семь лет, мать научила его петь - а отец, дабы внушить ему мужество, посадил его на широкобедренного коня. Дитя улыбалось от радости и скоро научилось всему, что принадлежит ратной верховой езде.

Старый, очень ученый монах, нарочно выписанный из Калабрии, обучил его Священному писанию, арабской цифири, латинским буквам и рисованию миниатюр на пергаменте. Они занимались вдвоем, на самом верху башни, вдалеке от суеты и шума. После обеда они сходили в сад - и, степенно гуляя, изучали цветы.

Иногда в глубине долины появлялась вереница вьючных животных, погоняемых пешеходом в восточной одежде. Господин, распознав в нем купца, посылал за ним слугу. Чужестранец доверчиво сворачивал с пути и, введенный в приемную, выкладывал из своих сундуков бархаты и шелка, серебряные и золотые вещи,

благовония, диковинные предметы неизвестного употребления, - и уходил под конец с полным карманом, не потерпев насилия.

В другое время толпа богомольцев-паломников просила пристанища. Их мокрые одежды дымилась у очага; а насытившись, они рассказывали о своих путешествиях, о блуждании кораблей по бурным морям, о долгих странствиях пешком по раскаленным пескам пустыни, о свирепости язычников, о сирийских пещерах, о священных яслях и гробнице Христовой. Потом они дарили раковины с своих плащей молодому наследнику - и удалялись с миром.

Часто также господин угощал своих старых боевых товарищей. За чарой вина они вспоминали о войнах, в которых они участвовали, об осадах крепостей, о тяжелых ударах военных машин и таранов, о необычайных, громадных ранах. Юлиан вскрикивал, слушая их рассказы. Тогда отец его не сомневался в том, что впоследствии он будет завоевателем. Но перед скончаньем дня, выходя от вечерни, шаг за шагом мимо преклоненных нищих, Юлиан с таким скромным, благородным видом подавал милостыню из своего кошель, что мать его, с своей стороны, также не сомневалась в том, что увидит его со временем архиепископом.

В капелле он всегда помещался подле родителей - и как бы ни была длинна служба, он все время стоял на коленях у аналоя, без шапки, со сложенными на молитву руками.

Однажды, подняв во время обедни голову, он заметил маленькую белую мышь, вышедшую из скважины стены. Она побегала немножко по первой ступени алтаря, - и, протрусив раза два, три - направо, налево, снова скрылась в скважине.

В следующее воскресенье мысль, что он опять ее увидит, - смущала его. Она, однако, вернулась... и каждое воскресенье он ждал ее; она его раздражала, он начал ее ненавидеть и решил наконец избавиться от нее.

Заперев двери и накрошив на ступенях алтаря объедки хлеба, он стал около скважины с тросточкой в руке. Спустя долгое время показалась наконец мордочка, а затем и вся мышка. Он легонько ударил ее тросточкой и оцепенел от изумления при виде маленького, недвижимого тельца. Капля крови запятнала плиту. Он поспешно вытер ее рукавом, выбросил мышь и никому не сказал об этом ни слова.

Разнородные пичужки клевали зерна в саду. Юлиану пришло в голову наполнить горохом пустой ствол тростника - и, заслышав щебетание на дереве, он тихонько подкрадывался, направлял свою трубку - надувал щеки... и пичужки сыпались ему на плечи в таком изобилии, что он невольно смеялся, довольный своей выдумкой.

Однажды утром, возвращаясь с валу, он увидел на гребне стены голубя, толстого красноногого голубя; он красовался и двигал зобом на солнце. Юлиан остановился, чтобы посмотреть на него, - и так как стена в этом месте несколько обрушилась и расселась, то ему случайно попал под руку осколок камня. Он поднял руку - и камень полетел прямо в птицу, которая так и покатилась в ров, как чурбанчик.

Проворнее молодого пса кинулся он за нею, царапаясь о терновник, - и начал всюду шарить.

Голубь с перешибленными крыльями трепетал еще, повиснув на ветвях ясеня.

Упорство жизни раздражило дитя. Он принялся душить голубя - и судороги издыхавшей птицы заставляли прыгать его сердце. Он испытывал дикое, мятежное наслаждение. При последнем содрогании голубя он вдруг почувствовал, что силы его покидают... Он едва не упал в обморок.

Вечером за ужином отец объявил ему, что в его годы следует учиться звериной ловле, - и принес старую, кругом исписанную тетрадь, заключавшую в вопросах и ответах перечень всех охотничьих забав.

Составитель этой тетради обучал в ней ученика искусству натаскивать собак и вынашивать ястребов, показывал, как следует ставить западни, как узнавать оленя по его помету, лисицу и волка - по их следам; какой лучший способ распознавать тропы

зверей, как их выгонять из лесу, где находятся их пристанища; какие бывают благоприятные ветры и погоды; а затем следовало исчисление всех охотничьих криков и поговорок, холканий и порсканий.

Когда Юлиан выучил все это наизусть, тогда отец отобрал для него знатную стаю собак.

В эту стаю поступило, во-первых: двадцать пять варварийских борзых кобелей; они были резвее серн, но по горячности своей иногда неудержимы; затем семнадцать пар бретонских краснопегих гончих, чутких, добычливых, горластых, с стальной грудью; потом - сорок брусбартов, мохнатых, не хуже медведей; их спускали на кабанов, когда те внезапно садились на зад и грозили клыками. Татарские псы, величиной почти с осла, огненного цвета, широкие, жилистые, с прямыми, как стрелы, ногами, предназначались для охоты за зубрами.

Черная шерсть испанок лоснилась, как атлас; залихватое тьякание "тальботов" не уступало серебристому лаю английских "биглей". На отдельном дворе рычали, потрясая цепями и ворочая кровавыми зрачками, восемь аланских догов; то были страшные животные, которые впивались в брюхо всадникам и не боялись самого льва.

Всех этих псов кормили пшеничным хлебом; лакали они из каменных корыт - и клички у них были звонкие.

Но соколиный двор, пожалуй, превосходил еще псарню. Добрый господин за дорогую цену добыл себе кавказских беркутов, вавилонских сероголовых подорликов, немецких ястребов и дербников да белых кречетов, пойманных на утесах, по берегам холодных морей, в странах отдаленных.

Все эти ловчие птицы жили под навесом, крытом соломой, - а под насестью, к которой они были привязаны по ранжиру роста, перед каждой из них находился клочок дерна. От времени до времени, чтобы дать птицам размяться и встряхнуться, их спускали на этот дерн.

Всевозможные западни были заготовлены в изобилии: и тенета, и крюки, и железные ловушки, и подвижные зеркальца для ловли жаворонков.

Легавых собак часто водили в поле - и они тотчас же находили дичь и делали стойку. Тогда охотники осторожно приближались к ним, растягивали над их неподвижными телами огромную сеть - и условленным знаком приказывали им лаять. Перепелы вылетали из травы - и приглашенные, вместе с мужьями, соседние дамы, дети, служанки, все бросались на птиц, запутанных в петлях сети, и без труда овладевали ими.

В другой раз били в барабан, чтобы выгнать из острова зайцев, лисицы падали в ямы - или внезапно соскочившая пружина западни хватала волка за ногу.

Но Юлиан пренебрегал этими безопасными хитростями. Он любил охотиться вдали от всех, один на своем коне и с любимой своей птицей. Обыкновенно то был скифский кречет, белый как снег. На его кожаном клубочке развевался султанчик; золотые бубенчики бряцали на его синеватых лапах. Конь скакал; луга расстилались и проносились мимо - а кречет крепко держался на руке своего господина. Юлиан, развязав путы, вдруг спускал его. Прямо, как стрела, взвивалась вверх смелая птица... Только две неровные точки виднелись в вышине... Они двигались, соединялись, затем исчезали в лазури. Кречет скоро спускался, разрывая добычу, - и, трепеща крыльями, садился снова на рукавицу к хозяину.

Юлиан ловил таким образом цаплей, луней, галок и коршунов.

Он любил трубить в охотничий рог, идя следом за своими псами, которые мчались по скатам холмов, перепрыгивали ручьи, вбегали в лес; и когда олень начинал стонать, терзаемый их зубами, он живо сваливал его одним быстрым ударом и любовался яростью псов, пожиравших рассеченные куски его туши на дымившейся шкуре.

В туманные дни он забирался в болото и подстерегал диких гусей, уток или выдру.

С самой зари три конюха дожидались его у крыльца; а старый монах, высунувшись из слухового окна, напрасно делал ему знаки и звал его к себе. Юлиан не оборачивался. Он уходил и в жар, и в дождь, и в бурю; пил пригоршней ключевую воду, ел на ходу дикие яблоки и ягоды, отдыхал под дубом, если уставал; и возвращался уже ночью, поздно, весь в грязи и в крови, с колючками в волосах, весь пропитанный запахом дичи. Когда мать целовала его, он холодно принимал ее ласки и, казалось, размышлял о чем-то важном и далеком.

Он убивал медведей ножом, быков топором, кабанов рогатиной - и однажды, имея при себе одну только палку, долго отборонялся от стаи волков, глодавших трупы под виселицей.

В одно зимнее утро, еще до восхода солнца, выехал он в полном вооружении, с самострелом на плече и с пучком стрел в колчане, приделанном к седельной луке.

Земля гудела под ровной поступью его датского жеребца; за хвостом коня бежали две лохматые собаки. Ветер дул неистово; плащ Юлиана покрылся зернами инея. Небосклон стал проясняться с одной стороны - и сквозь беловатые утренние сумерки он увидел кроликов, прыгавших у своих норок. Обе собаки тотчас кинулись на кроликов и, быстро их хватая, ломали пополам их спинные хребты.

Скоро затем въехал он в лес. На конце одинокой ветки, весь окоченелый от холода, спал глухарь-тетерев, подвернув голову под крыло. Юлиан отсек ему мечом наотмашь обе лапы - и, не подобрав его, продолжал свой путь.

Три часа спустя очутился он на вершине горы столь высокой, что небо над нею казалось почти черным. Перед ним, подобный длинной стене, свешивался утес над бездной; на крайнем его конце два диких козла смотрели вниз, понуриив головы. Не имея стрел, ибо конь его остался позади, он вздумал спуститься к ним. Задерживая дыхание, чуть не ползком, босой, он подкрался сзади к первому козлу и вонзил ему кинжал между ребрами. Второй, обезумев от ужаса, прыгнул в бездну. Юлиан кинулся было, чтобы ударить и его, но, поскользнувшись, упал на труп первого с распростертыми руками и перевесившимся через край бездны лицом.

Возвратившись в поле, он пошел вдоль ив, разросшихся по берегу большой реки. Низко летевшие журавли проносились от времени до времени над его головою - и он убивал их бичом, ни разу не давая промаха.

Между тем в воздухе потеплело, иней растаял, пары заколыхались широкими пеленами - и показалось солнце. Под его лучами засверкала вдали свинцовая гладь как бы застывшего озера. По самой середине этого озера виднелось незнакомое Юлиану животное - черномордый бобр. Несмотря на расстояние, стрела Юлиана вонзилась в него - и он досадовал, что не мог унести с собою шкуру убитого зверя.

Затем он вошел в аллею высоких деревьев, образовавших верхушками своими как бы подобие триумфальной арки. Она вела в большой лес. Из чащи выскочила дикая коза, на перекрестке показалась лань, из норы вышел барсук, павлин распустил свой хвост на зеленой мураве - и когда он их всех умертвил, появились другие дикие козы, другие лани, другие барсуки, другие павлины; а там дрозды, сойки, хорьки, лисицы, ежи, рыси - бесчисленное множество животных, все больше, больше с каждым шагом. Они кружились около него, трепеща всем телом, - и взоры их, на него устремленные, были кротки и полны смиренной мольбы. Но Юлиан не уставал убивать. Он то натягивал самострел, то обнажал меч, то колот ножом, ни о чем не думая, ничего не помня и не понимая... Он охотился в какой-то неведомой стране, неизвестно с каких пор - бессознательно, почти бесчувственно. Все совершалось с тою легкостью, какую испытываешь во сне.

Необычайное зрелище остановило его. Стадо оленей наполняло долину, имевшую вид цирка; тесно скученные, один возле другого, они отогревались дыханием своим, которое дымилось в тумане.

Надежда на истребление - громадное, небывалое - до того обрадовала Юлиана, что на несколько мгновений у него дыхание сперлось. Он слез с коня, засучил рукава и принялся стрелять.

При свисте первой стрелы все олени разом повернули головы, в их сплошной массе образовались как бы впадины; раздались жалобные голоса - и все стадо заколыхалось.

Края цирка были слишком высоки и круты; олени не могли их перескочить: они метались по дну долины, ища спасения. Юлиан целился, стрелял, целился снова... стрелы сыпались, как дождь. Олени, обезумев, дрались, лягались, карабкались друг на друга - и тела их со спутанными рогами воздвигались широким холмом, который то и дело обрушивался, передвигался. Наконец, сваленные на песок, с пеной у ноздрей, с вылезшими кишками, они испустили дыхание - и волнообразное колыхание их боков и черев, постепенно ослабевая, затихло. Затем все стало неподвижно.

Наступала ночь - и за лесом, сквозь разрезы ветвей, виднелось небо, красное, как кровавая пелена.

Юлиан прислонился к дереву. Выпуча глаза, смотрел он на необъятную бойню, не постигая, как он это мог один совершить.

Но вдруг на другой стороне долины показались олень, лань и с ними их детеныш - теленок.

Олень был весь черный, огромного росту, с шестнадцатью отростками на рогах и белой бородою; лань, бледно-желтая, цвету осеннего листа, щипала траву, а пятнистый детеныш, не останавливая ее, на ходу сосал ее вымя.

Снова натянулась и завывала тетива самострела... Теленок тотчас был убит. Тогда мать, подняв глаза к небу, затосковала громким, раздирающим, человеческим голосом. Юлиан, в бешенстве, выстрелом прямо в грудь повалил ее на землю.

Старый олень все это видел и прыгнул к нему навстречу. Юлиан пустил в него свою последнюю стрелу. Она вонзилась ему в лоб и осталась на месте. Старый олень словно не почувствовал ее; перешагнув через трупы, он все приближался и, казалось, готовился ринуться на Юлиана и вскинуть его на рога. Юлиан в невыразимом страхе попятился назад. Но дивное животное остановилось - и, сверкая глазами, торжественно, как патриарх, как судья, между тем как вдали звякал колокол, - трижды провозгласило:

- Проклят! проклят! проклят! Придет день - и ты, свирепый человек, умертвишь отца и мать!

Олень опустил на колени, закрыл тихо вежды - и испустил дух.

Юлиан остолбенел. Он почувствовал внезапную крайнюю усталость; необычайная печаль, отвращение, тоска овладели им. Закрыв лицо руками, он долго плакал.

Коня он потерял, собаки покинули его, пустыня, окружавшая его, казалось, угрожала ему несказанными бедами.

Объятый страхом, он побежал через поле по первой попавшейся ему тропинке и почти немедленно очутился у ворот своего замка.

Всю ночь он не спал. При колеблющемся мерцании висячей лампы он постоянно видел старого черного оленя. Предвещание умиравшего зверя преследовало Юлиана; он всячески пытался отогнать эту мысль: "Нет! нет! нет! Я не могу их убить!" А потом он думал: "Если бы я захотел, однако!" И он боялся, что дьявол введет его в искушение и внушит ему нечестивое желанье.

Целых три месяца мать его в глубокой скорби молилась у изголовья его постели, а отец непрерывно бродил по коридорам. Он призвал самых знаменитых врачей; те прописали Юлиану множество различных снадобий. Недуг Юлиана, говорили они, причинился ему либо от зловредного ветра, либо от любовного желанья. Но молодой человек на все вопросы отрицательно качал головою.

Силы понемногу вернулись к нему - и старый монах и добрый господин стали водить его для прогулки по двору, поддерживая его под руки.

Оправившись совершенно, он продолжал упорно отказываться от охоты.

Отец, желая развлечь его, подарил ему большую сарацинскую шпагу. Она висела наверху столба среди других доспехов - и, чтобы достать ее, понадобилась лестница.

Юлиан взлез на нее, но тяжелая шпага выскользнула у него из пальцев и, падая, так близко коснулась доброго господина, что разрежала его епанчу. Юлиан вообразил, что убил отца, - и лишился чувств.

С тех пор он боялся оружия. Один вид железа заставлял его бледнеть. Подобная слабость приводила в отчаяние его семью.

Наконец старый монах именем Бога, чести и предков приказал ему возвратиться к своим дворянским обязанностям.

Конюхи его отца ежедневно забавляли его метанием дротиков. Юлиан скоро достиг совершенства в этом искусстве. Он улучал дротиком в горлышко бутылок, отбивал зубцы флюгеров, а на сто шагов попадал в гвоздья дверей.

Однажды, летним вечером, в самый час сумерек, когда все предметы становятся неясными, Юлиан стоял под виноградной лозой в саду и увидел далеко-далеко два белых крыла, которые вздымались и порхали над шпалерником. Он не сомневался в том, что это были крылья аиста, - и метнул свой дротик.

Раздался пронзительный крик. То была его мать. Длинные концы ее шлыка были пригвождены к стене.

Юлиан убежал из замка - и более уже не возвращался.

II

Юлиан нанялся в проходившую шайку искателей приключений, с тем условием, чтобы они увели его далеко и чтобы жизнь его подвергалась опасностям.

Он узнал и голод, и жажду, и недуг горячки, и все безобразия нечистоты; он приучился к грохоту битв, к виду умирающих людей. Кожа его заскорузла от ветра, члены отвердели от соприкосновения ратных доспехов, он весь закалился; а так как он отличался храбростью, силой, воздержаньем, смышленостью, то ему нетрудно было достигнуть начальства над отдельным отрядом.

Вступая в битву, он широким взмахом меча увлекал за собою солдат своих. Ночью взбирался он по узловатой веревке на стены крепостей; вихорь раскачивал его, висящего на воздухе; искры греческого огня сыпались ему на латы, между тем как из бойниц струились ручьи горячей смолы и расплавленного олова. Нередко брошенный камень раздроблял его щит; мосты, обремененные людьми, проваливались под ним. Однажды, действуя своей тяжелой палицей, разделался он с дюжиной всадников. На поединках побеждал он всех своих противников; много раз считали его мертвым.

Но Божья милость всегда сохраняла его целым и невредимым, ибо он оказывал покровительство духовным особам, сиротам, вдовам, а особенно старикам. Когда ему случалось видеть впереди себя старика, он всякий раз окликал его, желая взглянуть ему в лицо - и как бы опасаясь убить его по ошибке.

Беглые рабы, взбунтовавшиеся крестьяне, неимущие, незаконнорожденные, всякого рода смельчаки и голыши стекались под его знамена - и он составил себе значительное войско. Оно росло, он стал известен; все владетели старались вступить с ним в союз.

Он служил поочередно у английского короля, у французского дофина, у иерусалимских меченосцев, у парфянского "Сурйны-царя", у абиссинского "нэгуса", у калькуттского императора. Он воевал с скандинавами, покрытыми рыбьей чешуей, с неграми, вооруженными круглыми щитами из бегемотовой кожи и ехавшими верхом на красных ослах; с златокожими индусами, размахивавшими над своими венцеобразными

тиарами - длинными, как зеркала сверкавшими, саблями. Он побеждал троглодитов и людоедов. Он прошел войною столь знойные края, что от действия солнечного жара волосы людей сами собою вспыхивали, как факелы, - а другие края столь холодные, что руки отделялись от плеч и падали на землю; он прошел еще страну, где царили такие туманы, что воины подвигались вперед, окруженные со всех сторон призраками.

Республики в затруднительных случаях обращались к нему за советом. При переговорах с послами он добивался неожиданно выгодных условий. Если какой-либо монарх вел себя слишком дурно, он внезапно являлся к нему и увещевал его. Он освобождал народы и избавлял королей, заключенных в башни. Не кто другой - а именно Юлиан убил медиоланскую змею-каракатицу и обербирбахского дракона.

Аквитанский император, восторжествовав над испанскими мусульманами, взял себе в наложницы сестру кордуанского халифа и прижил с нею дочь, которую он воспитал в христианском законе; но халиф, показывая вид, что желает обратиться в истинную веру, явился к нему якобы в гости в сопровождении многочисленной свиты; умертвил весь его гарнизон, а его самого посадил в подземную тюрьму и вообще обращался с ним весьма жестоко, дабы вынудить у него признание, где он скрыл свои сокровища.

Юлиан поспешил на помощь к императору, уничтожил войско неверных, убил халифа, отрубил ему голову и перекинул ее, как мяч, за крепостной вал. Затем он вывел из тюрьмы императора - и посадил его на престол в присутствии всего двора.

Император, в награду за такую услугу, поднес ему в корзине много денег: Юлиан не захотел взять их. Тогда, полагая, что он хочет больше, император предложил ему три четверти всех своих богатств - и снова получил отказ. Тогда он попросил разделить с ним царство: Юлиан поблагодарил - и не согласился. Император даже заплакал с досады, не зная, каким образом доказать ему благодарность; но вдруг он ударил себя по лбу и шепнул словечко на ухо одному придворному.

Полы занавеса на дверях раздвинулись - и появилась молодая девица.

Ее большие черные очи светились тихим и мягким, лампадным светом; прелестная улыбка слегка раскрывала ее уста. Ее длинные волосы цеплялись за алмазы, украшавшие ее полураскрытое платье, а под прозрачной туникой понятным, но тайным намеком сказывалась сладостная юность ее девического тела. Вся она была нежненькая, пухленькая, тоненькая.

Ослепленный ее появлением, Юлиан почувствовал очарование любви; оно было тем сильнее, что доселе он вел жизнь весьма целомудренную.

Он женился на дочери императора и взял за нею замок, доставшийся ей от матери. По окончании свадебного пира новобрачные распростились с императором, обменявшись с ним нескончаемыми заявлениями доброжелательства и дружбы.

Беломраморный дворец, в котором Юлиан поселился с своей супругой, построенный на мавританский лад, возвышался на мысу вблизи морского залива, среди апельсиновой рощи. Террасы, усаженные цветами, спускались до самого побережья, где розовые раковины хрустели под ногами прохожих. Позади замка расстилался веером лес, небо над ним было постоянно лазурного цвета; деревья поочередно склонялись то под наплывом ветра, бежавшего с гор, окаймлявших небосклон, то под веяньем свежего морского дыханья. Полутемные комнаты дворца освещались вделанными в стены украшениями из золота и драгоценных камней. Высокие колонки, тонкие, как тростник, подпирали своды куполов, разубранных выпуклой резьбой, представлявшей подобие пещерных сталактитов; фонтаны били в залах, мозаика выстилала дворы; всюду виднелись прорезные перегородки, тысячи других архитектурных изощрений и затей - и всюду царствовала такая тишина, что слышался шелест женской перевязи или дальний отзвук вздоха.

Юлиан более не воевал. Он отдыхал, окруженный мирным народом, - и каждый вечер проходила мимо него толпа, преклоняя колена и лобызая его руку, по восточному обычаю.

Одетый в пурпур, сидел он, облокотившись, у окна - и вспоминал свои прежние охоты. Ему хотелось бы преследовать по пустыням серн и страусов, караулить леопарда, скрываясь в бамбуковой чаще, посещать леса, наполненные носорогами, взбираться на вершину недоступнейших гор, чтобы оттуда вернее метить в пролетавших орлов и на льдинах холодных морей бороться с белыми медведями.

Иногда во сне видел он себя праотцем Адамом - среди зверей, - и, простерши руку, он их всех умерщвлял; или же они проходили мимо, одни за другими, попарно, по росту, начиная со слонов и львов и кончая горностаями и утками, - как в тот день, когда их принял Ноев ковчег. Окутанный мраком глубокой пещеры, Юлиан бросал в них свои неизменные копья; но тогда являлись другие звери - и так без конца... И он просыпался, свирепо вращая глазами.

Союзные с ним принцы приглашали его на охоту, но он всегда отказывался, в той надежде, что подобной эпитимией он отвратит от себя несчастье свое; ему казалось, что от умерщвления животных зависела судьба его родителей. Он скорбел, что не мог увидаться с ними, - а та, другая его присуха - его охотничья страсть - становилась нестерпимой.

Жена, чтобы развлечь его, призывала фигляров и танцовщиц. В открытых носилках прогуливалась она с ним по полям - или, лежа в челне и прислонясь к его краю, они смотрели вдвоем на рыб, игравших в светлой, как небо, воде. Иногда бросала она ему цветы в лицо - а не то, прикорнув к его ногам, наигрывала песни на трехструнной лютне; затем, положив скрещенные руки ему на плечо, говорила робким голосом: "Что с вами, мой дорогой господин?"

Он не отвечал или раздражался рыданиями; наконец однажды он признался в ужасной мысли, которая его преследовала.

Она стала оспаривать его - и ее доводы были рассудительны и толковы. Его отец и мать, вероятно, умерли. Если он когда-нибудь их увидит - то какими судьбами, с какой стати совершит он такой гнусный поступок? Стало быть, его страх не имел основания - и он должен снова начать охотиться.

Юлиан с улыбкой слушал ее - и все-таки не решался удовлетворить свою страсть.

В один августовский вечер они оба находились в спальне. Она только что легла, а он стал было на колени, чтобы молиться, - как вдруг услышал вдали тявкание лисицы, затем легкие шаги под окном - и ему померещились в тени как бы очертания зверей. Соблазн был слишком велик. Он отцепил колчан со стены. Она изумилась.

- Я повинуюсь твоим советам, - сказал он. - К восходу солнца я буду дома.

Однако она страшилась какого-нибудь пагубного приключения. Он успокоил ее - и ушел, дивясь переменчивости ее настроения.

Скоро после того вошел в спальню паж и доложил, что двое неизвестных, за отсутствием господина, желают тотчас же видеть госпожу.

И затем в комнату вошли старик и старуха, сгорбленные, запыленные, в холщовой одежде. Каждый из них опирался о палку.

Приободрившись, они объявили, что принесли Юлиану вести об его родителях.

Госпожа выпрямилась на постели, готовясь их выслушать.

Но, обменявшись взглядами между собою, они спросили, помнит ли он родителей и говорит ли о них иногда.

- О да! - сказала она.

- Ну так ведь это мы! - И они оба сели, так как они запыхались и изнемогали от усталости.

Ничто не доказывало молодой женщине, что супруг ее был точно их сын. Тогда, чтобы убедить ее, они описали особые знаки, которые он имел на теле.

Она соскочила с постели, позвала пажа - и им подали кушать. Хотя они очень были голодны, однако почти ничего не могли есть, а она, стоя в стороне, замечала, как дрожали их костлявые руки, когда они брались за кубки.

Они закидали ее тысячами вопросов об Юлиане; она на всё отвечала, но скрывала, однако, ту зловещую мысль Юлиана, которая их касалась.

Они стали рассказывать, как, видя, что сын их не возвращается, они покинули свой замок и пустились в путь-дорогу, чтобы отыскать его; как бродили вот уже несколько лет, руководствуясь неясными указаниями, не теряя надежды. Им столько пришлось выплатить денег за переправы через реки, да в гостиницах, да на королевские пошлины, а также на удовлетворение воров и грабителей, что кошелек их опустел и теперь они принуждены просить милостыню. Но они уверяли, что это не беда, так как ведь они теперь скоро обнимут сына. Они радовались его счастью, что вот, дескать, какую он добыл себе миленькую жену; не могли на нее довольно налюбоваться - и все ее целовали.

Пышность покоя очень их изумляла, и старик, осмотрев стены, спросил: отчего тут находится герб аквитанского императора?

Она отвечала:

- Это отец мой.

Тогда он вздрогнул, вспомнив предсказание цыгана, а старухе пришло на ум то, что сказал ей отшельник. "Конечно, - думала она, - слава сына ее только заря - предвестница небесной лучезарной славы", - и оба они пребывали в каком-то блаженном, оцепенении, под лучами канделябра, освещавшего стол.

Они, должно быть, очень были красивы собою в молодости. Мать сохранила еще все свои волосы; их тонкие пряди, подобные снегу, спускались вдоль ее щек; а отец по высокому росту и длинной бороде походил на церковную статую.

Жена Юлиана убедила их не дожидаться его. Она сама уложила их в свою постель, закрыла окно - и они заснули. День уже наступал; за оконной решеткой начинали щебетать ранние птички.

А Юлиан, минуя парк, шагал сильной поступью по лесу, наслаждаясь мягкостью травы и благоуханием воздуха.

Длинные тени деревьев тянулись по моховым кочкам. Лунный свет пестрил лесные поляны белыми пятнами. Юлиан нерешительно подвигался вперед. То ему чудился отблеск стоячей воды; то он не знал: что это перед ним, трава или поверхность неподвижного болота? Всюду царил глубокая тишина - и не видел он ни одного из зверей, недавно бродивших вокруг его замка.

Лес стал гуще; темнота усилилась. Теплый порывистый ветер приносил с собою запах, от которого кружится и слабеет голова. Ноги Юлиана погружались в груды сухих листьев. Он прислонился к дубу, чтобы перевести Дух.

Вдруг из-за спины его выскочила темная масса... то был кабан. Юлиан не успел схватить свой лук - и это огорчило его, точно несчастье с ним случилось.

Затем, выйдя из леса, заметил он волка, пробиравшегося вдоль плетня. Он пустил в него стрелу. Волк остановился, повернул голову, глянул на него - и продолжал свой путь. Он трусил рысцей все в одном и том же расстоянии от Юлиана. По временам он останавливался, но, лишь только Юлиан в него прицеливался, он снова пускался наутек. Юлиан прошел таким образом длинную-длинную равнину, затем песчаные холмы и очутился на плоскогорий; оно господствовало над значительным пространством окрестного края. Могильные плиты были рассеяны там между разрушенными склепами, - он спотыкался о мертвые кости; кое-где жалобно торчали покосившиеся, источенные червями деревянные кресты.

Но вот какие-то образы зашевелились в неверной тени могил - и из нее вышли гиены, взъерошенные, испуганные. Стуча когтями по плитам, подошли они к Юлиану, протяжно зевая и обнажая свои десны.

Он выхватил меч. Все они разом бросились прочь от него по всем направлениям - и, продолжая скакать своим торопливым и хромым галопом, исчезли вдали в клубах пыли.

Час спустя встретил он в овраге бешеного быка; он склонил рога и скреб ногою землю; Юлиан направил свое копьё ему в подгрудок: оно разлетелось вдребезги - точно это животное было из меди. Он закрыл глаза, ожидая смерти... Когда он их открыл - бык уже исчез.

Тогда он упал духом: он ощутил унижение стыда. Высшая власть разрушала его силу. Он снова вошел в лес, чтобы только поскорей вернуться домой.

Заглохлый лес весь зарос лианами. Он начал было рубить их мечом, но вдруг между ног его скользнула куница, барс перепрыгнул ему через плечо, и змея спиралью поползла вверх по стволу ясеня. В ветвях его сидела чудовищная ворона и смотрела на Юлиана; а там и тут на деревьях появилось множество широких лучистых искр, точно свод небесный высыпал на лес все свои звезды. То были зеницы зверей, диких кошек, белок, филинов, попугаев, обезьян.

Юлиан пустил в них свои стрелы. Оперенные стрелы садились на листья, словно белые бабочки. Он начал швырять в них камнями. Камни, никого не задевая, падали обратно на землю. Тогда он разразился проклятиями, готов был самого себя изувечить, задышался от бешенства, произносил неистовые слова!

И все животные, за которыми он некогда охотился, появились теперь и образовали вокруг него тесный круг. Одни сидели на задних лапах, другие вздымались во весь рост. Он стоял среди их, помертвев от ужаса; он не в силах был пошевелинуться. Напрягши наконец последнюю волю свою, он ступил шаг вперед. Сидевшие на деревьях животные разверзли крылья, находившиеся на земле расправили свои члены - и все последовали за ним.

Гиены выступали впереди его, волк и кабан позади; справа, помахивая огромной головою, шел бык, а слева змея волнообразно ползла по траве - между тем как барс, выгибая спину, подвигался вперед огромными мягкими, неслышными шагами. Юлиан шел так тихо, как только возможно, чтобы не раздражить зверей, - и видел, как из чащи появлялись дикобразы, ехидны, чекалки, медведи.

Юлиан побежал - и они побежали.

Змея шипела, вонючие звери выпускали слюну, кабан тер ему пятки своими клыками, волк ерзал по его ладони мохнатой мордой; обезьяны, кривляясь, щипали его; куница свертывалась в клубок у его ног; медведь наотмашь сбил ему лапой шляпу с головы; а барс презрительно уронил стрелу, которую держал в пасти. Чувствовалась злая насмешка в ухватках зверей - и, искоса поглядывая на него своими прищуренными зрачками, они, казалось, обдумывали план мести. Оглушенный жужжанием насекомых, ошеломленный ударами птичьих хвостов, задыхаясь ото всех этих испарений и дыханий, Юлиан шел с закрытыми глазами, простирая руки вперед, как слепой, не имея даже силы молить о пощаде. Вдруг крик петуха пронесся в воздухе; другие петухи откликнулись. Наступало утро - и он узнал над верхушками апельсиновых деревьев конек кровли на своем дворце.

Затем на окраине поля увидел он в трех шагах от себя красных куропаток, перепархивавших по жнивью. Он расстегнул застежку воротника - и бросил на них свой плащ. Когда он его приподнял, то увидел только одну куропатку, давно уже издохшую, сгнившую.

Этот обман раздражил его более, чем все остальные. Жажда бойни, резки снова овладела им - и за неимением зверей он готов был убивать людей. Он быстро пробежал все три террасы своего дворца, кулаком вышиб дверь - но на лестнице воспоминание о милой жене смягчило его сердце. Она, вероятно, спит; он обрадует ее своим появлением.

Сбросив сандалии, тихо повернул он ручку замка и вошел в спальню. Расписные стекла в свинцовой оправе затемняли бледноватый цвет зари, Юлиан запутался в платье, лежавшем на полу; немного далее он натолкнулся на стол, уставленный посудой. "Знать, она ужинала", - подумал он, подвигаясь к кровати, скрытой в самой темной глубине комнаты. Остановившись у края кровати, он, чтобы поцеловать жену, нагнулся к подушке, на которой рядышком покоились две головы. Он почувствовал на губах своих прикосновение бороды.

Он отскочил, полагая, что сходит с ума. Однако он снова вернулся к кровати - и пальцы его ощупью коснулись длинных волос. А! это жена! Чтобы удостовериться в своей прежней ошибке, он медленно провел рукою по подушке... Что это? Борода! Борода мужчины! Мужчина лежал возле его жены!

В иступленном, безграничном гневе он накинулся с кинжалом на эту чету... С пеной во рту, топая ногами, рыча, как дикий зверь, он наносил удары... потом затих. Оба спавших, тотчас же пораженные в самое сердце, и не шелохнулись. Он внимательно прислушивался к их почти одинаковому хрипенью - и по мере того, как оно ослабевало, другой голос вдали как бы продолжал этот страшный звук. Сначала едва внятный, голос этот, жалобный, завывающий, приблизился, вздулся, залился каким-то жестоким, беспощадным стенанием - и Юлиан, окаменев от ужаса, узнал в нем предсмертный рык старого черного оленя! Он повернулся наконец - и ему представился в дверях призрак его жены со свечой в руке.

Шум совершаемого убийства привлек ее. Одним взглядом поняла она все - и в перепуге страха бросилась бежать, уронив на пол свечу.

Он поднял эту свечу. Отец и мать его лежали перед ним на спине с прободенной грудью - и их величественно-кроткие лица, казалось, хранили вечную тайну. Кровавые брызги, кровавые лужи виднелись по их белым телам, по простыне, одеялу, по полу - даже вдоль висевшего в алькове Христа из слоновой кости краснела кровь. Алый отблеск оконного стекла, в которое в это мгновение ударило солнце, освещал эти красные пятна и разбрасывал еще много других по всей комнате. Юлиан подошел к обоим мертвецам, убеждая себя, силясь верить, что это невозможно, что он ошибся, что бывают же такие удивительные сходства! Он слегка наклонился, чтобы как можно ближе рассмотреть старика, - и увидел под не вполне закрытою векою потухший зрачок, прожегший его как бы огнем. Затем он обошел постель и приблизился к стороне, где лежал другой труп... Белые волосы прикрывали часть лица. Юлиан отстранил их пальцами, поднял голову матери - и долго смотрел на нее, поддерживая эту голову самым концом окоченевшей руки, - в другой он держал свечу и светил себе ею. Кровь сочилась с тюфяка и капля за каплей с слабым стуком падала на пол.

Под вечер он явился к жене - и каким-то чужим, не своим голосом велел ей, во-первых, не отвечать ему, не подходить к нему, даже не глядеть на него, а во-вторых, под страхом проклятья, исполнить все его приказания, которые должны быть ненарушимы.

Похороны следовало устроить согласно письменному предписанию, оставленному им на аналое в комнате покойников. Юлиан завещал жене свой замок, своих вассалов, все имущество свое - не удержав за собою даже той одежды, которая была на нем, ни даже сандалий, которые жена должна была найти наверху лестницы. Ставши невольной причиной его преступления, она исполнила Божью волю - и должна молиться за упокой его души, так как с этого дня он уже больше не существует.

Покойников с пышностью похоронили в монастырской церкви, отстоявшей на три перехода от замка. Монах, со спущенным на лицо капюшоном, следовал издали за похоронной процессией; никто не дерзал заговорить с ним.

В продолжение всей обедни лежал он ничком у главного входа, с распростертыми крестообразно руками, не поднимая головы из праха.

После погребения он отправился по дороге, ведущей в горы. Он несколько раз оборачивался и наконец исчез.

III

Юлиан странствовал по миру, питаясь подаянием. На проезжих дорогах протягивал он руку всадникам, с коленапреклонением подходил к жнецам - или же неподвижно стоял у решеток дворов, - и лицо его было так печально, что никто не отказывал ему в милостыне.

Побуждаемый самоуничижением, рассказывал он свою страшную повесть. Тогда все осеняли себя крестом и отдалялись от него. Когда же он возвращался в деревню, в которой ему уже раз пришлось побывать, его встречали угрозами, запирали перед ним двери, швыряли в него камнями. Самые милосердые ставили ковш воды на край окна - и закрывали ставни, чтобы его не видеть.

Отринутый всеми, он стал избегать людей и питался кореньями, падалицей и ракушками, которые собирал на плоских песчаных берегах.

Иногда с высоты косогора он внезапно видел перед собою массу скученных крыш города, каменные колокольни, мосты, башни, скрещенные темные улицы, откуда доносился до него непрерывный гам. Потребность принять участие в жизни других людей побуждала его спуститься в город. Но грубое выражение лиц, шум станков, безучастность речей леденили его сердце. В праздничные дни, когда колокольный благовест соборов с самой зари радостно настраивал народ, он смотрел на жителей, выходявших из своих домов, на хоровые пляски посреди площадей, на фонтаны браги, струившиеся по перекресткам, на дворцы принцев, украшенные обоями и коврами; а когда наступал вечер, заглядывал украдкой в окна нижних этажей: там, за длинными семейными столами, сидели деды, держа маленьких внуков на коленях. Рыданья душили его - и он снова уходил в поле.

С невольным порывом любовных чувств следил он взором за пасшимися по лугам жеребятами, за пташками, сидевшими в своих гнездах, за златокрылыми насекомыми, отдохавшими на цветах. Но все животные при его приближении либо убегали прочь, либо пугливо прятались, либо торопливо улетали.

Он снова стал искать уединенных мест; но ветер приносил его слуху как бы предсмертный хрип; роса, падая на землю, напоминала ему другие, более тяжелые капли; солнце каждый вечер окрашивало кровью облака - и каждую ночь, во сне, повторялось ужасное отцеубийство.

Он шил себе власяницу, усеянную железными остриями; на коленях вползал до часовен, стоявших на вершинах холмов; но безжалостное воспоминание омрачало пышность священных храмов, терзало его даже посреди суровых истязаний и добровольных мук покаяния.

Он не роптал на Бога за то, что он присудил ему совершить тот поступок - и, однако, приходил в отчаяние при мысли, что он мог его совершить.

Его собственная особа внушала ему такое отвращение, что в надежде избавиться от нее он подвергал себя опасностям. Он спасал разбитых параличом из пламени пожаров, путников со дна глубоких пропастей. Пропать извергала его обратно, пламя щадило его.

Бремя не утишило его страданий; они сделались невыносимыми: он решился умереть.

Однажды, стоя на краю колодца, он нагнулся, чтобы глазом измерить глубину воды, - и увидел перед собою исхудалого старика с белой бородой - старика такого жалкого и горького, что он не мог удержаться от слез. Тот тоже заплакал. Не узнавая себя, Юлиан смутно припоминал лицо, похожее на это. Вдруг он вскрикнул: "Да ведь это отец!" После того он уже более не помышлял о самоубийстве.

Влача за собою тяжелее бремя своего воспоминания, он прошел много стран - и добрел наконец до одной реки, переправа через которую считалась опасной вследствие быстроты течения и вязкой тины, покрывавшей оба берега на значительное расстояние. Давно уже никто не отваживался переезжать эту реку.

Старая лодка с загрязшей кормой выдвигала нос свой из камышей. Юлиан, осмотрев ее, нашел пару весел - и ему пришла в голову мысль посвятить жизнь свою на служение другим.

Он начал с того, что устроил на одном берегу нечто вроде насыпи, по которой можно было бы спускаться до самого фарватера. Он обломал себе ногти, выворачивая огромные камни; он перетаскивал их, опирая их о свой живот. Ноги его скользили по тине, вязли в ней - и несколько раз он был близок к гибели.

Затем он исправил лодку, пользуясь корабельными обломками, и соорудил себе шалаш из глины и древесных стволов. Лишь только узнали о возобновлении переправы, появились и путники. Они призывали Юлиана с другого берега, махая значками. Он тотчас, живо вскакивал и лодку. Очень она была грузна - а ее еще переполняли всякой поклажей и тяжестями, не считая вьючных животных, которые брыкались от страха и тем еще более ее загромождали. Юлиан ничего не просил за свой труд; некоторые давали ему остатки припасов, которые вынимали из котомок своих, или же изношенную, ненужную более одежду. Люди грубые бранились и богохульствовали; Юлиан с кротостью выговаривал им. Они отвечали ему ругательством; он довольствовался тем, что благословлял их.

Маленький столик, скамья, ворох сухих листьев вместо ложа, несколько глиняных чашек - вот в чем состояла вся его утварь. Два отверстия в стене служили заместо окон. С одной стороны тянулись бесплодные равнины, усеянные мелкими лужами белесоватого цвета; с другой - большая река катила свои мутно-зеленые волны; весной сырая земля издавала запах гнили; летом беспокойный ветер поднимал вихри пыли. Всюду проникала эта пыль, грязнила воду, скрипела под зубами. Немного позже появились целые тучи комаров - и жужжание и жаление не прекращались ни днем, ни ночью; а там наступали жестокие морозы, придававшие мертвенную жесткость камням всем предметам и возбуждавшие в людях неистовую потребность есть мясо.

По целым месяцам Юлиан никого не видел. Часто он закрывал глаза, стараясь перенестись памятью в свою молодость. Двор большого замка возникал перед ним, с борзыми собаками на крыльце, со множеством слуг в оружейном зале, а в виноградной беседке появлялся белокурый отрок рядом с стариком, покрытым меховой одеждой, и с дамой в высоком шлыке. Но вдруг все исчезало, и Юлиан видел только те два трупа. Тогда он бросался ничком на свое ложе, повторял, рыдая: "Ах, бедный отец! бедная мать! бедная мать!" - и засыпал, преследуемый и во сне этими могильными виденьями.

Однажды ночью он спал... И вдруг ему почудилось, что кто-то звал его. Он приник ухом... но один лишь рев сердитых волн наполнял его слух.

Однако тот же голос повторил: "Юлиан!" Он доносился с того берега, что, по ширине реки, показалось Юлиану удивительным.

В третий раз кто-то кликнул: "Юлиан!" Громкий голос звенел, словно колокол церковный.

Засветив фонарь, Юлиан вышел из шалаша. Бешеная буря потрясала ночной воздух. Мгла была глубокая; местами белизна скакавших волн разрывала черный занавес этой мглы.

После минутного колебания Юлиан отвязал канат. Река тотчас же стихла; лодка быстро скользнула по ней и причалила к тому берегу, где стоял человек, ожидая.

Он был закутан в рваную холстину, лицо походило на гипсовую маску, а глаза горели ярче угольев. Приблизив к нему свой фонарь, Юлиан увидел, что отвратительная проказа покрывала все его тело; однако во всей его осанке сказывалось как бы царственное величие. Лишь только этот человек вошел в лодку, она необычайно

погрузилась в воду, подавленная его тяжестью; но сильный толчок снова привел ее в равновесие - и Юлиан принялся грести.

С каждым взмахом весел прибой волн поднимал нос лодки. Вода, чернее чернил, бешено мчалась вдоль обоих бортов, она расступалась пропастью, вздымалась горами - и лодка то прыгала по ним, то спускалась в самую глубь водных расселин, где кружилась, как щепка под ударами вихря.

Юлиан наклонялся вперед, выдвигал упруго руки - и, крепко упираясь в дно ногами, откидывался назад, перегибая и перекашивая стан, чтобы придать себе больше силы. Град хлестал по его пальцам; дождь заливался ему за спину; яростный ветер душил его, захватывая его дыхание. Он опустил руки в изнеможении. Тогда лодку понесло по течению. Но, понимая, что здесь дело шло о чем-то очень важном, о приказании, которого нельзя было послушаться, он снова взялся за весла, и щелканье уключин снова послышалось сквозь рев бури.

Его фонарик светил перед ним на носу лодки. Птицы, кружась и налетая, то и дело скрывали от него этот слабый свет. Но Юлиан постоянно видел зрачки прокаженного, который стоял на корме неподвижно, как столб... И это продолжалось так... много, много времени.

Когда они вошли в шалаш, Юлиан запер дверь - и вдруг увидел своего спутника уже сидевшего на скамье. Подобие савана, прикрывавшее его, спустилось до лядвей; худые плечи, грудь и руки исчезали под чешуйками гноевых прыщей. Огромные морщины бороздили его лоб. Вместо носа у него, как у скелета, была дыра, а из синеватых губ отделялось зловонное, как туман густое, дыхание.

- Я голоден, - сказал он.

Юлиан подал ему, что имел - кусок старого сала и корку черного хлеба.

Когда тот все это сожрал, - на столе, на ковше, на ручке ножа показались те же пятна, которыми его тело было покрыто.

Затем он сказал:

- Я жажду!

Юлиан достал свою кружку, и когда он ее взял в руки - из нее распространился вдруг такой запах, что душа его разверзлась, ноздри расширились! То было вино... Какая находка! Но прокаженный простер руку - и залпом выпил всю кружку.

Тогда он сказал:

- Мне холодно!

Юлиан зажег свечой кучу хвороста среди шалаша.

Прокаженный стал греться. Но, сидя на корточках, он дрожал всем телом, он, видимо, ослабевал; глаза его перестали блестеть, сукровица потекла из ран - и почти угасшим голосом он прошептал:

- На твою постель!

Юлиан осторожно помог ему добраться до нее - и даже накрыл его парусом своей лодки.

Прокаженный стонал. Приподнятые губы выказывали ряд темных зубов; учащенный хрип потрясал его грудь - и при каждом вдыхании живот его подводило до спинных позвонков.

Затем он закрыл веки.

- Точно лед в моих костях! Ложись возле меня! И Юлиан, отвернув парус, лег на сухие листья, рядом с ним, бок о бок.

Но прокаженный повернул голову.

- Разденься, дабы я почувствовал теплоту твоего тела!

Юлиан снял свою одежду; затем - нагой, как в день своего рождения, снова лег он на постель - и почувствовал прикосновение кожи прокаженного к бедру своему; она была холодней змеиной кожи и шероховата, как пила.

Юлиан пытался ободрить его, но тот отвечал задыхаясь:

- Ах, я умираю! Приблизься! Отогрей меня, не руками, а всем существом твоим!
Юлиан совсем лег на него - ртом ко рту, грудью к груди.

Тогда прокаженный сжал Юлиана в своих объятиях, и глаза его вдруг засветились ярким светом звезды, волосы растянулись, как солнечные лучи, дыхание его ноздрей стало свежей и сладостней благовония розы; из очага поднялось облачко ладана, и волны реки запели дивную песнь. Восторг неизъяснимый, нечеловеческая радость, как бы спустившись с небесной вышины, затопили душу обомлевшего от блаженства Юлиана, а тот, кто все еще держал его в объятиях, выростал, выростал, касаясь руками и ногами обеих стен шалаша. Крыша взвилась, звездный свод раскинулся кругом, и Юлиан поднялся в лазурь, лицом к лицу с нашим Господом Иисусом Христом, уносившим его в небо.

Такова легенда о св. Юлиане Милостивом; так, по крайней мере, она изображена на старинном расписном окне в одной из церквей моей родины.